

Р.Штайнер. Основные социальные требования нашего времени

Лекция седьмая →

Выделенные фрагменты на стр.11-12

Берн, 12 декабря 1918 г.

Когда мы все ощущения и взгляды, приобретенные путем углубления в духовную науку, обращаем на жизненные нужды и отношения нашего времени, то при этом со всей отчетливостью заявляет о себе само это время. Не одни только внешние отношения времени обладают ныне даром членораздельной речи, но ею, определенным образом, обладают и наши духовнонаучные воззрения. В наших рассуждениях человеческого развития мы уже много раз исходили из основополагающего факта, заключающегося в том, что это развитие осуществляется в ряде следующих один за другим этапов, из которых наиболее значительный и близко стоящий к нам начался после великой атлантической катастрофы. На этом этапе к настоящему времени прошло четыре эпохи и мы живем теперь в пятой. Эта эпоха началась в XV столетии нашего христианского летосчисления, и мы называем её эпохой души сознательной. В других культурных эпохах иные силы человеческой души проходили преимущественное развитие. В нашей культурной эпохе, последовавшей за греко-латинской эпохой и начавшейся в первой половине XV столетия, человечество должно все более и более вырабатывать душу сознательную. В предыдущей же эпохе, начавшейся в VIII столетии до Рождества Христова, человечество посредством культуры вырабатывало по преимуществу душу рассудочную, или душу характера.

Нам нет здесь нужды вдаваться в характеристику этих культурных эпох, но что касается нашей эпохи, с начала которой протекло ещё так мало столетий, то на неё нам необходимо обратить самое серьезное внимание и, прежде всего, на то, что составляет её главную особенность. Каждая такая эпоха длится в среднем два тысячелетия. И ещё многому надлежит совершиться в эпоху души сознательной. В эту эпоху задача всего цивилизованного человечества состоит в том, чтобы овладеть всем человеческим существом и поставить его на собственные ноги, а также то многое, исключительно многое из того, что человек в предыдущие эпохи чувствовал инстинктивно, о чём мог судить посредством инстинкта, должно быть вынесено на ясный свет сознания.

Не правда ли, многие трудности и весь тот хаос, что разразился вокруг нас и с нами, становятся в нашу эпоху тотчас же понятными, когда мы узнаем, что задачей нашей эпохи является поднятие инстинктов в сознание. Ведь инстинктивное совершается неким образом само по себе; но то, что должно происходить осознанно, требует от человека внутреннего напряжения, требует, чтобы он, прежде всего, начал мыслить буквально всем своим существом. А этого человек боится. Сознательно принимать участие в создании мировых отношений — это является чем-то таким, что человек делает

неохотно. Кроме того, здесь есть одно место, относительно которого люди ныне ещё во многом заблуждаются. Они ныне думают: "Ну да, ведь, мы живем в эпоху развития мышления". — И они горды тем, что сегодня думают больше, чем прежде. Но это-то и является заблуждением, иллюзией, одной из множества иллюзий, которыми теперь живет человечество. То, чем люди столь горды, постижение мыслей, происходит во многом инстинктивно. И лишь тогда, когда все инстинктивное, вошедшее в человеческое развитие и ныне столь гордо заявляющее о себе в мышлении, станет активным, когда интеллектуальное будет проистекать не просто из мозга, а из всего человека, когда интеллектуальное станет лишь частью всей духовной жизни, когда оно возвысится над рациональным и перерастет в имагинацию, инспирацию и интуицию, — только тогда придет к своей реализации то, чему предназначено мало-помалу возрастая в пятой послееатлантической эпохе души сознательной. Что сегодня особенно бросается в глаза, на что везде и всюду обращаются самые земные мысли в их своеобразной, обусловленной эпохой окраске, — это появление так называемых социальных вопросов.

Серьёзно углубляющиеся к нашу, антропософски ориентированную духовную науку, довольно легко приходят к ощущению, что всё же самое существенное в образовании общественного организма, называют ли его государством или как-либо иначе, должно исходить из того, что человек развивает из самого себя, что он из самого себя может развить, решая задачу регуляции отношений человека с человеком. Всё, что человек развивает из себя, находится, естественно, в соответствии с определёнными импульсами, коренящимися, в конце концов, в нашей душевно-духовной жизни. И если смотреть на дело таким образом, то можно спросить: "Так не следует ли, прежде всего, направить внимание на социальные импульсы, на то, что хочет выйти из человеческой природы как социальные импульсы?" Назовем эти социальные импульсы, если хотите, социальными потребностями — не имея при этом ввиду что-то просто животное, — и позаботимся о том, чтобы не мыслить себе эти потребности совершенно бессознательными, инстинктивными. Говоря о социальных потребностях, будем иметь ввиду: мы находимся в эпохе души сознательной и потребность хочет войти в сознание.

Если теперь заявляет о себе нечто следующее: имеются социальные потребности, и они хотят реализоваться, — то тут же в наше время в дело вступает ужасная односторонность, о которой всё же не стоит сожалеть, а следует спокойно её разглядеть, ибо она должна быть преодолена. Современный человек уж очень склонен всё рассматривать односторонне! А это похоже на то, как если бы качнуть маятник в одну сторону и не думать о том, что он, пройдя точку равновесия, отклонится в другую сторону. Но как невозможно, чтобы маятник отклонялся только в одну сторону, так же невозможно, чтобы социальные потребности в человеке выступали только с одной стороны. Социальным потребностям в человеке противостоят, как сами собой разумеющиеся, обусловленные самой человеческой природой, антисоциальные потребности. Это следует прежде всего иметь ввиду. Ибо социальные вожди и агитаторы предаются большой иллюзии, считая, что стоит только распространить какое-либо воззрение, или что-то в этом роде, снабдить им определенный класс людей, и эти люди

обратятся только к социальным потребностям. Да, это заблуждение, поступать таким образом, поскольку здесь не считаются с тем фактом, что равным образом действительностью обладают как социальные, так и антисоциальные потребности. Единственно, о чем сегодня может идти речь, — это о способности без иллюзий смотреть в лицо подобным фактам. Нужно без иллюзий смотреть им в лицо, пребывая на точке зрения духовнонаучного познания. Можно даже сказать так: если человек не рассматривает свою жизнь с точки зрения духовнонаучного познания, то он бывает вынужден пропустить самое существенное в этой жизни.

Мы должны спросить себя: "Как, собственно говоря, обстоит дело с общением между людьми в сфере социальных и антисоциальных потребностей?" — Видите ли, когда один человек стоит напротив другого, то в основе этого их противостояния имеет место нечто поистине сложное. И этот факт нам следует, я бы сказал, радикально принять во внимание. Естественно, их противостояние может быть разным в зависимости от рода человеческих отношений, но мы выделим в нем общие признаки и спросим себя: Что происходит в действительности, во всем её многообразии, а не просто в том, что предстоит чувственному созерцанию, — что происходит во всей действительности, когда один человек стоит напротив другого? А происходит не что иное, как действие реальной силы, идущей от одного человека к другому человеку. Когда два человека стоят друг против друга, то это значит, попросту говоря, что определённая сила действует от одного из них к другому. Когда мы в жизни совершаем по отношению друг к другу какие-либо поступки, то не следует этого делать в полном равнодушии, как в отношении обычных мыслей, так и ощущений, даже в том случае, если пространственно мы разделены. Если нам приходится заботиться о других людях, если приходится вступать с ними в отношения, то при этом от одного человека к другому действует сила. Этот факт лежит в основе социальной жизни. Это является тем, что, ветвясь и переплетаясь, основывает, собственно говоря, социальную структуру людей. Естественно, феномен выступает в наиболее чистом виде, когда мы думаем о непосредственном общении человека с человеком. — В этом случае имеет место стремление путем впечатления, производимого одним человеком на другого, усыпить его. Один человек, общаясь с другим, усыпляется им — этот феномен насквозь пронизывает социальную жизнь. Среди людей постоянно имеет место — как говорят физики — латентная (скрытая) тенденция усыплять взаимно друг друга в социальном общении.

Но почему это происходит? Видите ли, причина здесь кроется в одной очень важной особенности человеческого существа. Дело в том, что так называемые социальные потребности в случае обычного современного сознания особенно сильно развиваются в душе человека, когда он спит. Если вы не обладаете ясновидением, то социальные потребности пронизывают вас во время сна. И только то, что из состояния сна переходит в своей деятельности в бодрствование, действует в бодрственной жизни как социальная потребность. Но если вы об этом знаете, то вам нечего удивляться, что общаясь с людьми вы хотите усыпить их социальную сущность. В отношении человека к человеку должна развиваться социальная потребность. Она же может развиваться только во сне. Поэтому в

общении человека с человеком развивается тенденция ради создания социальных отношений усыплять друг друга. Это поразительный факт, но он предстает тотчас же при познании жизненной действительности. Общение человека с человеком состоит в том, что в этом общении, прежде всего, усыпляется способность вырабатывать представления ради образования социальной потребности между одним и другим человеком.

Но вы, естественно, не можете, идя по жизни, в то же время, непрерывно спать. Тенденция же образовывать социальные потребности состоит, среди прочего, в том, выражается в том, что вам, собственно, и следует постоянно иметь склонность ко сну. Вещи, которые я описываю, происходят конечно бессознательно, но от этого они не становятся менее действительными и в меньшей степени пронизывают нашу жизнь.

В противовес этому действует нечто иное. Действует постоянное сопротивление, постоянное возмущение людей этой тенденцией именно тогда, когда они не спят. Так что, всякий раз, когда вы стоите перед человеком, вы находитесь в конфликте следующего рода: благодаря тому, что перед вами стоит человек, в вас постоянно развивается тенденция ко сну, тенденция переживать к нему отношение во сне; благодаря же тому, что вы противитесь сну, не хотите погружаться в сон, в вас возбуждается сила оставаться бодрствующим. Так постоянно в общении человека с человеком разыгрываются подобные вещи: тенденция ко сну, тенденция к бодрствованию. Но тенденция оставаться бодрствующим в этом случае является *антисоциальной*, поскольку это есть утверждение собственной индивидуальности, собственной личности по отношению к социальной структуре общества. Попросту говоря, когда мы как люди находимся среди других людей, наша внутренняя душевная жизнь колеблется между социальным и антисоциальным, как маятник: туда и обратно. И то, что эти две потребности живут в нас, что их можно оккультно наблюдать, когда два человека стоят друг против друга, — это является господствующим в нашей жизни. Когда мы встречаем какую-либо общественную организацию — для современного, столь умного сознания эти организации являются весьма далекими от действительности, — то она обычно является выражением этих маятникообразных отношений между социальными и антисоциальными потребностями. Политэкономы могут размышлять о том, что такое кредит, капитал, рента и т. д. — все эти вещи, образующие закономерности социальных отношений, являются лишь качаниями маятника между двумя указанными видами потребностей: социальных и антисоциальных.

Видите ли, людям, которые хотят найти целительные средства для настоящего времени, эти вещи необходимо понять, ввести в научный обиход. Ибо откуда же могут прийти в наше время социальные требования? Ведь мы живем в эпоху души сознательной, где человек должен иметь опору в себе. А каково предназначение человека? Его предназначение, его задача, миссия в нашей пятой послеплатантической эпохе состоит в том, чтобы утверждать себя, не позволять себе спать. *Самим положением во времени ему предназначено развивать антисоциальные потребности.* И задача нашей эпохи не могла бы быть достигнута людьми, если бы именно антисоциальные

потребности, благодаря которым человек достигает вершины своей собственной личности, не становились все могущественнее и могущественнее. Человечество ныне и не подозревает о том, какую ещё силу предстоит набрать антисоциальным потребностям вплоть до *третьего* тысячелетия. Чтобы человек мог правильно развиваться, должны возрастать антисоциальные потребности.

В предыдущие эпохи антисоциальные потребности не были, так сказать, духовным жизненным "хлебом" развития человечества. Поэтому не было нужды ни в каких им противовесах, а потому никто и не думал их возводить. В наше время, когда человек ради самого себя, ради своего отдельного "я" должен образовывать антисоциальные потребности — которые возникают уже по той причине, что человек подчинен развитию, против которого ничего нельзя возразить,— в такое время должно прийти то, что только и можно противопоставить антисоциальным потребностям, а именно такую социальную структуру, с помощью которой тенденции этого развития могут быть удержаны в равновесии. Внутри будут действовать антисоциальные потребности, чтобы человек мог достичь вершин своего развития; вовне, в общественной жизни должна действовать социальная структура, чтобы в жизненных связях люди не теряли друг друга. Почему и встает социальное требование в наше время. Социальное требование в наше время, в определенном смысле, есть не что иное, как необходимый противовес внутренним тенденциям развития человечества.

Из сказанного вы, вместе с тем, видите, что с помощью одностороннего рассмотрения ничего не достичь. Ибо по мере того, как живут люди, отдельные слова — я совсем не хочу говорить об идеях или ощущениях, — отдельные слова получают, своего рода, "валентность", определенные оттенки. Так, слово "антисоциальный" вызывает некую антипатию, с ним связывают представление о чем-то злом. Пусть это так, но не стоит беспокоиться, смотрят ли на это как на нечто злое или нет. В данном случае это необходимость — плохая ли, хорошая ли; в нашу эпоху это связано с необходимыми тенденциями человеческого развития. И если теперь кто-то выступает и говорит, что нужно бороться с антисоциальными потребностями, то это не более, чем обыкновенная бессмыслица, ибо бороться с ними совсем не следует. Они должны, в связи с самой обычной тенденцией развития человечества, захватить в наше время именно внутреннее людей. Речь не идет о том, чтобы найти рецепт как бороться с антисоциальными потребностями, но о том, как государственное устройство, структуру, организацию того, что лежит вне человеческой индивидуальности, что не схватывает собой человеческую индивидуальность, так образовать, так устроить, чтобы оно создало противовес тому, что внутри человека действует как антисоциальная потребность. Потому-то необходимо, чтобы человек в нашу эпоху всем своим существом *вычленился из социальной структуры* на благо как ей, так и себе.

В прошлые эпохи существовали сословия, классы. Наша эпоха стремится преодолеть сословия, преодолеть классы. Наша эпоха больше не может делить людей на классы; теперь необходимо считаться с человеком во всей совокупности его черт, необходимо

включить его в такую социальную структуру, которая социально расчленила бы только то, что обособлено от человека. Поэтому вчера в открытой лекции [*Лекция в Берне 11 дек. 1918 года "Нравственная, социальная и религиозная жизнь с точки зрения Антропософии". ИПН. 72.] я говорил, что в греко-латинскую эпоху ещё могло господствовать рабство и один мог быть господином, другой — рабом. Как остаток от тех времен нам осталось то положение, от которого особенно приходят в волнение пролетарии: положение, при котором их рабочая сила является товаром и, таким образом, нечто, являющееся их внутренним, оказывается организованным внешне. Это должно быть устранено. Социально расчленено может быть только то, что не является самим человеком: его позиция, место, на которое он поставлен в жизни.

Всё, что таким вот образом человек узнает о необходимом развитии социальной жизни, должно быть ныне, поистине, так воспринято, чтобы стало ясно: как не смеет притязать на знание счета тот, кто не овладел таблицей умножения, так не следует притязать на проведение социальных реформ и тому, кто никогда не слышал о вещах, подобных, например, обсуждаемому нами сегодня, а именно, что социальность и антисоциальность существуют таким образом, как мы это сейчас охарактеризовали. Когда сегодня люди, стоящие на высоких ступенях нашей общественной или социальной организации, начинают говорить о социальных требованиях, то для человека знающего они кажутся людьми, желающими построить мост через бурный поток, но при этом не имеющими ни малейшего понятия о параллелограмме сил! Они, конечно, могут, эти люди, построить мост, но при первой возможности он рухнет. Так, нам встречаются социальные вожди или те, кто сегодня печется о тех или иных социальных устройствах: их построения при первом же подходящем случае обнаруживают себя как невозможные, ибо нужны вещи, позволяющие работать совместно с действительностью, а не против неё. Так что, бесконечно важно, чтобы однажды, наконец, начали глубоко серьёзно обращаться с вещами, которые, я бы сказал, составляют главный нерв нашей антропософски ориентированной духовной организации.

Один из импульсов, воодушевляющих нас в сфере нашего антропософского движения, состоит в том, что мы вносим во всю человеческую жизнь то, на что большинство людей способно лишь в ранней юности: мы сажаем себя, будучи даже в преклонном возрасте, на школьную скамью жизни, разумеется. В этом мы видим разницу между нами и теми людьми вовне, которые полагают, что если уж они систематически пролодырничали до двадцати пяти, двадцати шести лет — нет, точнее скажем: систематически записывались на лекции или, ещё точнее: штудировали лекции — то этого хватит на всю остальную жизнь! После этого ещё остаётся заняться, самое большее, разного рода самооблажаниями — не правда ли? — которые позволяют ещё кое-что усвоить. Но основное ощущение, выступающее перед нашей душой, когда мы приближаемся к главному нерву духовнонаучного движения, состоит в следующем: *человек должен всю свою жизнь учиться, если он действительно хочет дорасти до задач этой жизни.* Это ощущение чрезвычайно значительное и оно действительно пронизывает нас. Пока не покончено с верой в то, что с помощью задатков, развиваемых до 25-28 лет, можно уже

всем овладеть, так что после того можно и в парламенте заседать и где угодно ещё, и можно судить обо всём, — до тех пор, пока не покончено с подобным взглядом, с подобным ощущением, до тех пор ничто полезное, целительное не может сложиться у людей в их социальной структуре.

Изучение меняющихся отношений между социальным и антисоциальным является исключительно важной задачей именно наших дней. Антисоциальное, при этом, мы можем лишь изучать, поскольку оно, как я уже указывал, находится на своём месте в развитии нашей эпохи, ибо принадлежит к тому важнейшему, что должно приобрести большое значение и развитие в нас самих. Это антисоциальное может быть удержано в определённом равновесии социальным; *о социальном следует позаботиться*, следует сознательно позаботиться. А это будет всё труднее и труднее сделать в наше время, поскольку то, другое, антисоциальное, собственно говоря, является естественным. Социальное является необходимостью, о нем нужно заботиться. Со временем станет видно, что в нашу, пятую послеатлантическую эпоху имеется тенденция именно социальное оставлять без внимания, когда просто замыкаются в самих себе, когда потухает активность, когда нет желания соучаствовать в душевной деятельности других людей. Но что является необходимым, что должно быть выработано совершенно сознательно, поскольку прежде оно действовало в человеке инстинктивно, — это именно *интерес человека к человеку*. Главным нервом всей социальной жизни должен стать интерес одного человека к другому человеку.

Сегодня это звучит почти парадоксально, когда говорят, что с помощью так называемых трудных политэкономических понятий людям ничего не удастся объяснить, если не возникнет интерес у человека к человеку, если люди не начнут связывать господствующие в социальной жизни иллюзии с действительностью. Представьте себе, кто бы мог просто так подумать, что благодаря одной лишь принадлежности к той или иной социальной группе он мог бы постоянно находиться в сложном взаимодействии с людьми? Представьте себе, у вас в кармане была стофранковая банкнота и вы истратили её, когда утром зашли в магазин и сделали столько покупок, что на их оплату она ушла целиком. Да, так что же это значит, что утром вы вышли со стофранковой банкнотой в кармане? Ведь сама по себе стофранковая банкнота есть вещь иллюзорная, и она не имела бы никакой ценности в действительности, и даже совсем бы в ней не существовала, если бы имели хождение металлические деньги. Я сегодня совсем не хочу говорить о теории металлистов и номиналистов в области денег, но ясно, что при существовании металлических денег, бумажные деньги есть иллюзия, они не имеют ценности. Деньги опосредуют связь двух других вещей; и только благодаря тому, что существует определённый социальный строй — в наше время это чисто государственный строй, — благодаря ему стофранковая банкнота, которую вы имеете и которую вы можете истратить перед обедом на покупку различных вещей, представляет собой не что иное, как эквивалентную ценность такого-то числа рабочих дней, в социальной среде должно быть затрачено столько-то человеческого труда, кристаллизовано в товары, чтобы иллюзорная ценность банкноты приобрела действительную ценность; и всё это —

по приказу социального строя. Банкноты дают вам власть поставить на свою службу столько-то работы или владеть таким-то количеством работы. Составьте себе в уме следующую картину: у меня есть несколько банкнот, они дают мне силу той социальной позиции, на которой я нахожусь, дают власть над таким-то количеством работы. И когда вы теперь увидите: ежечасно в течение дня одни тратят работу других в виде эквивалента стоимости, в виде реального эквивалента стоимости, который вы имеете в кошельке как стофранковую банкноту, — только тогда вы увидите подлинную картину действительности.

Наши отношения стали столь сложными, что мы, конечно же, на подобные вещи совершенно не обращаем внимания, особенно когда они так близко стоят к нам. Я могу привести один простой пример, который может облегчить понимание сказанного. В трудных понятиях политэкономии, таких как капитал, рента, кредит, не особенно хорошо разбираются даже университетские профессора, для которых политэкономия является специальностью, в силу чего им следовало бы быть в ней более осведомлёнными. Из этого вы можете заключить, насколько необходимо, чтобы эти вещи были теперь увидены в правильном свете. Мы, естественно, не могли бы тотчас же, прямо сегодня приступить к реформе политэкономии, которая приведена в беспомощное состояние благодаря тем знаниям, которые приобретают о ней студенты. Но мы, по меньшей мере, можем задать себе вопрос в отношении педагогики, высшего образования и тому подобного: что нужно сделать, чтобы социальная жизнь могла быть сознательно противопоставлена внутренней антисоциальной жизни? Что для этого необходимо? Я говорил, что в наше время трудно найти интерес у одного человека к другому человеку. Вы не можете иметь настоящего интереса, когда полагаете, что можете нечто купить на стофранковую банкноту и при этом не думать о том, что ваша покупка обусловлена социальными отношениями определённого количества людей и их рабочей силой. Вы только тогда будете иметь настоящий интерес, когда каждое такое иллюзорное действие, как обмен товаров на стофранковую банкноту, сможете увидеть в его истинной действительности, которая с ним связана.

Видите ли, обыкновенная, я бы сказал, эгоистическая, согревающая сердце болтовня о том, что мы должны любить наших ближних и проявлять эту любовь, когда имеем к тому ближайший повод, ничего не значит для социальной жизни. Эта любовь большей частью оказывается ужасно эгоистической. Очень часто люди из того, что они вначале захватили, помогают затем, на патриархальный манер, своим ближним, чтобы таким путём создать себе объект для самолюбования, поскольку тогда можно внутренне весьма сильно согреться от мысли: "Ты сделал, Ты сделал это!" Часто не замечают сколь значительная часть так называемой благотворительной любви является замаскированной любовью к себе.

Дело заключается не в том, чтобы предаваться нашей отдельной любви, а в том, чтобы почувствовать себя обязанным направить свое внимание на многочисленные разветвления социальной структуры, внутри которой мы живем. Для этого мы должны,

по меньшей мере, создать основания. Но создавать эти основания сегодня склонны очень немногие люди.

Я бы хотел, по меньшей мере, с точки зрения народного образования, обсудить один вопрос, а именно: как, вообще, мы можем противопоставить антисоциальным, развивающимся естественным образом потребностям, социальные потребности, противопоставить их сознательно? Можем ли мы их так культивировать, чтобы в нас действительно что-то завязалось и затем развивалось всё более и более, так что мы теряли бы покой не видя в себе возрастающего интереса к людям, когда именно в нашу эпоху души сознательной этот интерес чахнет ужасающим образом? Да, действительно, в нашу эпоху пропасти разверзаются между человеком и человеком. Будто во сне, но совершенно этого не замечая, люди проходят мимо друг друга, и в малейшей степени не понимая себя при этом. Страстное желание войти в интересы другого человека, в его особые, неповторимые качества, сегодня встречается крайне редко. Мы имеем, с одной стороны, вопли о социализации, а с другой — все шире распространяющиеся чисто антисоциальные потребности.

Как люди сегодня слепо проходят мимо друг друга, особенно хорошо видно, когда они соединятся в разные общества и кооперации. Эти последние, как правило, ничего не могут ныне дать в смысле человеческого познания. Люди сегодня могут годами общаться друг с другом и при этом знать друг о друге не более того, что стало известно при первом знакомстве. Необходимо, прежде всего, следующее: чтобы люди в будущем, я бы сказал, систематически присовокупляли к антисоциальному социальное. Внутренне-душевно для этого имеются различные средства и среди них такое, когда мы стремимся в этой жизни взглянуть на свою прежнюю инкарнацию и с помощью этого взгляда обозреть то, что разыгрывается между нами и другими людьми в этой жизни. И если мы честны, то можем, по крайней мере, многие из нас могут сказать себе: "Большинство людей, вступающих в сферу нашей жизни, мы рассматриваем чаще всего так, что в средоточие этой сферы мы ставим интересы собственной персоны". Что мы можем получить от того или другого повстречавшегося нам в жизни человека? — так спрашиваем мы себя вполне ощутимо. Но мы должны это в нас победить. Мы должны постараться дать всплыть в образах перед нашей душой тем личностям, которые как учителя, как друзья и другие покровители приняли участие в нашей жизни, или таким личностям, которые нам вредили и которым мы, в определенном отношении, часто оказываемся более обязанными, чем тем, которые нас поддерживали. Этим образам мы должны дать пройти перед нашей душой и совершенно живо представить себе, что каждый из них сделал для нас; и тогда мы увидим, если продедаем все это, что мало-помалу мы научаемся забывать себя, мы обнаруживаем, что всего, чем мы обладаем, не было бы в нас, если бы те или иные люди тем либо иным способом не приняли участия в нашей жизни.

Только тогда, когда мы оглянемся на давно прошедшие годы и на людей, с которыми мы, может быть, уже не имеем отношений и потому нам легче быть с ними объективными, только тогда нам откроется, как душевная субстанция нашей жизни

поглощается тем, что оказывает на нас влияние. Расширится наш взгляд на всех тех людей, которые в ходе времени прошли мимо нас. Если мы попытаемся развить чувство того, насколько мы должны быть благодарны тем или иным людям, попытаемся, таким образом, увидеть себя в зеркале тех, кто в ходе времени воздействовал на нас, был связан с нами, тогда мало-помалу — это может стать нашим ощущением — в нас распустится чувство: поскольку мы упражнялись в поиске образов тех людей, которые в прошлом были связаны с нами, то в нашей душе рождается желание так же и по отношению к тем людям приходить внутри себя к образам, с которыми мы стоим лицом к лицу в настоящее время. И безгранично важно, что в нас пробуждается потребность при встрече с людьми не просто ощущать симпатию или антипатию, не просто дать в себе проснуться желанию что-то в человеке любить или ненавидеть, но пробудить в себе образ человека, свободный от любви и ненависти.

Вы, вероятно, не ощущаете, что сказанное сейчас мною представляет собой нечто бесконечно значительное. Ибо способность вызвать в себе без любви и ненависти образ другого человека, дать воскреснуть в себе душевно другому человеку, эта способность с каждой неделей человеческого развития, можно сказать, всё более и более убывает, а со временем люди утратят её совсем. Они проходят мимо друг друга и в них не пробуждается потребности дать в себе ожить другому человеку. А об этом следует сознательно позаботиться. Это есть нечто такое, что должно войти так же в детскую и школьную педагогику, а именно: развитие в людях имажинативных способностей. Ибо только тогда можно действительно развить в людях имажинативные способности, когда мы не побоимся вместо того, что хочет сегодня быть в жизни сенсацией, отдаться в тиши тому обзору прошлого, который вызовет перед нашей душой прошлые отношения с людьми. Тогда мы так же станем способными имажинативно соотноситься с людьми, которые встречаются нам в настоящее время. Тогда мы противопоставим социальную потребность тому, что с абсолютной необходимостью и бессознательно развивается всё более и более: антисоциальной потребности. И это есть *первое*.

Вторым является то, что проистекает из обзора прошлых отношений с людьми, благодаря которому мы становимся всё более и более объективными. Для этого мы должны вернуться в прошлые времена, должны, я бы сказал, самым непосредственным образом заняться фактами, размышлять, например, о том времени, когда нам было двадцать, тридцать лет. Да, как обстояло дело, когда мне было десять лет? Я хочу, прежде всего, представить себя целиком внутри ситуации, я хочу представить себя таким образом, как если бы речь шла не обо мне, а о другом десятилетнем мальчике или десятилетней девочке; я хочу однажды забыть, что это был я, я хочу действительно постараться объективировать себя для себя самого. *Эта объективация самого себя, этот отрыв нашего настоящего от нашего прошлого, это выключение "я" из его переживаний — вот то, к чему мы должны в настоящее время особенно стремиться.* Ибо настоящее время имеет тенденцию всё более и более связывать "я" с переживаниями. Сегодня совершенно инстинктивно человек хочет быть тем, что дают ему его переживания. Потому-то так трудно достичь активности, которую дает духовная наука. Здесь нужно

каждый раз заново напрягать дух, здесь невозможно успокоиться на достигнутом. Вы сами это увидите: если пытаться удержаться на достигнутом, то в духовной науке с этим нечего делать. Узнанное забывается и нужно всё снова заботиться о нем; но это-то как раз и хорошо, это-то как раз и правильно, что приходится всё снова и снова напрягаться. Именно тот, кто правильно развивается в отношении духовной науки, должен стараться каждый день проводить перед своим мысленным взором элементарные вещи из её сферы; хотя некоторые стесняются это делать. В духовной науке ничего не достичь, если пытаться мысленно *запоминать*, поскольку всё сводится к тому, чтобы в непосредственном переживании соприкасаться с действительностью. Так что, дело заключается в том, чтобы именно эту способность развить в себе путем *объективации себя для самого себя*, в результате чего мы этого молодого человека или эту девушку представляем себе так, как если бы они были чуждыми для нас существами в прежние периоды нашей жизни. Мы постоянно должны трудиться над тем, чтобы освободиться от переживания своего, скажем, тридцатилетия и дать пригрезиться только импульсам десятилетнего или какого-либо другого периода нашей жизни. Освободиться от нашего прошлого, не значит отречься от него — иным образом мы снова обретаем его; но само по себе это освобождение бесконечно важно. Таким способом, мы сознательно печемся о социальных потребностях, о социальных импульсах, когда, с одной стороны, по отношению к людям, окружающим нас в настоящее время, творим имажинации благодаря тому, что самих себя душевно рассматриваем произведенными людьми, с которыми мы имели отношения в прошлом; с другой стороны, через объективацию мы приобретаем способность непосредственно из самих себя развивать имажинации. Эта объективация прошлого полезна нам, когда она не действует в нас бессознательно. Вы только подумайте: когда в вас продолжает бессознательно действовать десятилетний мальчик или десятилетняя девочка, то вы представляете собой тридцати или сорокалетнего человека, умноженного на десятилетнего; но вы, кроме того, умножены ещё на одиннадцати- двенадцатилетнего и т. д. Эгоизм возводится в колоссальную степень. Но он становится всё меньше и меньше, если вы отделяете прошлое, если вы его объективируете, делаете больше вещью, объектом. В этом заключается то значительное, что мы должны иметь ввиду.

Таким образом, основополагающей предпосылкой является следующее — это нужно сегодня сделать как можно более понятным для тех народов, которые, не поняв сути вещей, иллюзорно возвышают социальные требования; — необходимо сделать господствующим понимание того, как человеку можно стать социально действующим существом в эпоху, когда в человеке должны возрасть антисоциальные потребности .

Что этим будет достигнуто? Вы поймете всё значение того, что я здесь излагаю, если обдумаете следующее. Дело в том, что в 1848 году появился впервые один весьма действенный документ, продолжающий действовать и поныне в самом радикальном социализме — в большевизме. Этим документом является "Коммунистический манифест" Карла Маркса, в котором было воспроизведено всё то, что самым разным образом царило в головах и сердцах пролетариев. Карлу Марксу удалось завоевать

пролетарский мир на очень простом основании: он высказал то, что было понятно пролетарию, о чём он думал в силу своего пролетарского положения. Этот "коммунистический манифест", содержание которого я не нахожу нужным излагать, появился в 1848 году. Это был первый документ, совершивший тот посев, который мы ныне, когда разрушены все противоборствующие с ним факторы, видим уже созревающим. Одну фразу, одно предложение содержит этот документ, которое вы теперь можете встретить процитированным почти в каждой социалистической газете: "Пролетарии всех стран, соединяйтесь!". Это предложение проходит через все, какие только существуют, социалистические объединения: "Пролетарии всех стран, соединяйтесь!". Что же оно выражает? Оно выражает самое противоестественное, что только может придумать человек в наше время. Оно выражает импульс к социализации, к объединению определенных человеческих масс. Но на чем должно строиться это объединение, эта социализация? На противопоставлении, на ненависти к тем, кто не является пролетариями. Социализация, совместное бытие людей должно быть построено на разделении! Вы должны это обдумать. Вы должны реальность этого принципа проследить в том, что сегодня как настоящая иллюзия, — если мне приходится пользоваться выражением, вы должны его понять — выступает, в первую очередь, в России, а теперь уже и в Германии, и в Австрии, и продолжает пожирать всё большие и большие территории. Это является противоестественным потому, что, с одной стороны, выражается необходимость *социализации*, а с другой стороны, *эта социализация возводится на антисоциальных инстинктах*, а именно, на классовой ненависти, классовом противопоставлении.

Подобные вещи следует рассматривать в более высоком свете, иначе далеко не уйдешь; иначе на том месте, где стоит человек, не прийти к целительному пониманию хода человеческого развития. И сегодня нет иного средства, кроме духовной науки, увидеть эти вещи во всеобъемлющем смысле, что означает также понять свое время. Люди боятся входить во всё то, что как дух и душа лежит в основе физического человека, и точно так же боятся, не хотят входить во всё то, что в социальной жизни можно понять исходя из духовного. Люди отшатываются в страхе, надевают на глаза повязку, прячут как страус голову в песок перед такими абсолютно реальными, значительными вещами, каковы следующие: когда два человека стоят друг против друга, то один из них постоянно старается усыпить другого, а тот — остаться бодрствующим. А это является, если выражаться в смысле Гёте, *прафеноменом социальной науки*. Но подобные истины уже выходят за рамки доступного обычному материалистическому мышлению; они могут быть поняты в том случае, если известно, что человек в своей жизни может спать не только лежа на прокисшей шкуре, посапывать часами кряду, но что и в, так называемой, бодрственной жизни постоянно проявляется тенденция ко сну, что, собственно говоря, те же самые силы, которые пробуждают нас утром, а вечером вводят в сон, постоянно действуют в дневной жизни в игре социального и антисоциального. Из любых размышлений о человеческом социальном строе, из любых отдельных установлений ничего не может произрасти, если не принять со всей серьёзностью все эти вещи.

Исходя из этой точки зрения, необходимо, видя, что распространяется по всей земле, не остаться перед ними слепым, а всмотреться в то, что охватывает всю землю. Сегодняшний социалист, о чем он думает? Он думает, что нужно выдумать социальные максимы, социалистические максимы, или призвать людей во всех странах земли: "Пролетарии всех стран, соединяйтесь!", и тогда, думает он, можно будет по всей земле, как говорят, интернационально установить некий род рая.

Но ведь это большая иллюзия и настолько губельная, насколько это только может быть! Люди не являются абстрактными людьми, они — конкретные люди. И в основе здесь лежит то, что каждый человек является индивидуальностью. Это я пытался доказать в моей "Философии свободы" по отношению к нивелирующему кантианству и социализму.

Люди на земле разделены на группы. И если мы хотим понять эту дифференциацию людей, то нельзя просто сказать, что ты начинаешь на Западе и ведешь на Восток через всю землю, так что, наконец, возвращаешься в исходную точку с обратной стороны, определенный социальный строй. Сегодня хотят распространять социализм так, как в былые времена совершали кругосветные путешествия; ведь земля круглая и, начав на Западе, можно продолжать затем на Восток.

Но люди на земле не одинаковы, они дифференцированы на группы, и в их дифференциации, опять-таки, живет импульс или, если можно так выразиться, двигатель прогресса. Таким образом, вы видите, что в наше время всё предрасположено к тому, чтобы совершенно особенным образом выступила душа сознательная. Я бы мог сказать, что через свою кровь, через свои врожденные задатки, через свои унаследованные задатки стремиться к тому, чтобы человечеству напечатлевалась душа сознательная, — к этому предрасположены в наше время только люди из тех народов, которые говорят по-английски. Человечество не однородно. Люди в странах английского языка сегодня особенно предрасположены к выработке души сознательной, так что, в определённом смысле, они являются представителями человечества пятой послеатлантической эпохи; они для этого развиты.

Люди Востока как представители человечества должны по-иному способствовать его развитию. У людей Востока, уже начиная с русского народа, затем у всех азиатских народов России, которые играют лишь вспомогательную роль, задача заключается в том, чтобы *противостоять натиску, напору этого инстинктивного, само собой разумеющегося развития души сознательной*. Люди Востока не хотят в наше время основную душевную способность, способность к интеллектуальности, смешивать с переживаниями; они хотят ее отделить и сберечь для позднейшего времени, для шестой послеатлантической эпохи, где должно произойти её слияние с тем, чего человек не имеет сегодня — с развитым Самодухом. Таким образом, характерная для развития во времени нашей эпохи сила находится на Западе и должна культивироваться с особой

силой народами, говорящими по-английски; в то же время, народы Востока — я не имею ввиду отдельных представителей, которые, будучи индивидуальностями, всегда выдаются из среды своего народа, но я говорю о народе — существуют в наше время для того, чтобы как раз не давать возникнуть в своих душевных силах тому, что является характерным для эпохи, чтобы таким путем в них могло развиваться в зародыше то, что только в следующей эпохе, которая начнется *в четвертом тысячелетии*, может быть развито совершенно особым образом. Таковы закономерности человеческой жизни и человеческого существа. Когда дело касается природы, то здесь, например, не удивляются тому, что нельзя зажечь лёд, поскольку имеется определенная закономерность. Но в отношении социальной структуры человечества верят, что, например, в России социальная структура может возникнуть на том же социальном основании, что и в Англии или Шотландии, или даже в Америке. Но это невозможно, ибо мир организован закономерно и не так, чтобы повсюду в нем можно было произвольно делать всё, что угодно. Это нужно иметь ввиду.

В Средней Европе и состояние среднее. Здесь всё обстоит так, что человек находится в неустойчивом равновесии по отношению как к одной, так и к другой стороне. Так что, вы можете всё человечество на Земле разделить на три части. Вы не можете сказать: "Пролетарии всех стран, соединяйтесь!", поскольку эти пролетарии так же тройко дифференцированы. Человечество трехчленно. Если мы обратимся к народам Запада, то найдем здесь, прежде всего, народ, говорящий по-английски; мы говорим: народ, — поскольку отдельные его представители могут существенно от него отличаться. Этот народ одарен особым образом, он имеет особое предрасположение, особую миссию вырабатывать душу сознательную, что в эпоху души сознательной означает: не отрывать от души её характерные особенности, но выработку интеллигенции, особое свойство интеллигенции связывать с переживаниями. Само собой разумеется, что все величие Великобритании покоится на инстинктивном желании людей поставить себя в мире как носителей души сознательной. **Здесь лежит феномен расширения Британской Империи: покоящееся в зачатках её людей совпадает с внутренними импульсами настоящей эпохи** Вы знаете, что существенное обо всем этом было уже сказано в моем цикле лекций о европейских народных душах[*Цикл лекций "Миссия отдельных народных душ в связи с северогерманской мифологией" **ИПН. 121**]; в этом цикле, прочитанном задолго до войны, всё это уже содержится, весь существенный материал, могущий быть полезным для выработки объективного суждения о военной катастрофе.

Особая склонность у английского народа к политической жизни обусловлена именно предрасположенностью к развитию души сознательной. Можно изучать, как политический метод делить общества, структуры, распространился повсюду из Англии, распространился по тем странам, где отдельные вещи сохранились ещё от более древних, чем четвертая послееатлантическая эпоха, как, например, венгерское деление на комитеты с начальником комитета во главе. Так что, вплоть до таких туранских народных включений в Европе распространяется политическое мышление англичан, поскольку только из этой крови может прийти политическое мышление пятой послееатлантической

эпохи. Эти люди особенно предрасположены для политики. Мало чему помогает сегодня суждение об этих вещах — здесь всё решает необходимость. Одному это может нравиться, другому — нет, но это личное дело. Мировые же дела решаются объективными необходимостями. И очень важно эти объективные необходимости именно сегодня, в эпоху души сознательной, провести перед своим взором.

Гёте в своей "Сказке о зеленой змее и прекрасной лилии" выразил имеющиеся в человеческой душе силы в виде троичности: Власти, Сияния, или Видимости, и Познания, или Мудрости, — Медный Король, Серебряный Король, Золотой Король. В этой сказке, если говорить о господствующих отношениях, удивительным образом высказано многое из того, что подготавливается сегодня и в будущем станет развиваться всё сильнее и сильнее. Можно сказать, что символизированное Гёте в Медном Короле, носителе импульса власти, ныне распространяется по всей земле через народы, говорящие на английском языке. По причине совпадения культуры души сознательной с особыми задатками британских и американских народов это является необходимым.

Видите ли, в среднеевропейских странах, где ныне царит хаос, имеет место неустойчивое равновесие между склонностью интеллекта к душе сознательной и желанием разъединиться с ней; при этом перевешивает то одно, то другое. Здесь имеет место совсем другая тенденция. Вся Средняя Европа не предрасположена к политике. Если же она хочет заниматься политикой, то для нее возникает большая вероятность выпасть из реальности, в то время как политическое мышление англо-американских народов твёрдо стоит на земле и обосновано в душе. В Средней Европе господствует вторая сила: Сияние, Явление. Среднеевропейские страны интеллектуальность с особым блеском приводят к явлению. Сравните с этим то, что исходит от англоговорящих народов в отношении мыслей: у них мысли крепко связаны с твердой по-земному реальностью. Возьмите блестящие достижения немецкого духа, вы увидите, что мысли здесь всегда носят эстетический облик, даже и в тех случаях, когда этот эстетический облик принимает логическую форму. В том, как одна мысль переводится в другую, заключено нечто особенно выдающееся, поскольку тогда то, что имеет особые задатки, выступает в диалектике, в эстетической проработке мыслей. Если затем это хотят применить в твердой по-земному реальности, если при этом хотят заняться политикой, тогда бывает очень легко оказаться на ложном пути, выпасть в так называемый сновидческий идеализм, — когда хотят основать единое царство, десятилетиями мечтают о едином царстве, а затем основывают его на силе, где одно подпадает под власть другого. Ещё нигде в политической жизни не сходились вместе два таких контраста, как немецкие мечты о единстве 1848 года и то, что затем было основано в 1871 году. Здесь вы видите колебание, маятникообразное колебание того, что, собственно, стремится выразить себя эстетически, и что становится неистинным, иллюзорным, призрачным образованием, когда захочет встать на почву политики. Ибо здесь нет никаких задатков к политике; и всякое политизирование становится мечтательным или ложным. Таковы те вещи, о которых следует говорить без симпатии и антипатии, о которых следует говорить не ради того, чтобы кого-то обвинять или оправдывать, но которые следует знать,

поскольку они, с одной стороны, соответствуют необходимости, а с другой — трагичности. Это необходимо иметь в виду.

А теперь обратим наш взор на Восток, на то, что там готовится. Там дело заходит так далеко, что если выразиться радикально, то можно сказать: если немец хочет заниматься политикой, то он впадает в мечтательность, в идеализм; в лучшем случае — в прекрасный идеализм, в худшем — в неистинность. Русский же, желая стать политиком, вообще заболевает или даже может умереть, став политиком. Так что, он настолько к этому не предрасположен, что может сделаться больным и даже умереть. Это сказано несколько радикально, но в соответствии с действительностью. В русской народной душе нет ничего, что было бы внутренне родственно политическим основам английской и американской народной души. Но зато Восток предрасположен к тому, чтобы пронести интеллект, который он вырывает из само собой разумеющейся связи с переживаниями, в будущую эпоху Самодуха.

Так что, необходимо знать, каким образом подразделяются задатки людей на земле. Это выражается в значительнейшем переживании. Из различных рассмотрений вы все знаете о том, что называется встречей со Стражем Порога в высшем сверхчувственном переживании. Эти встречи со Стражем Порога также происходят по-разному. Естественно, если посвящение, инициация происходит совершенно независимо от связи с народом, то встреча со Стражем Порога бывает всесторонней. Если же посвящение осуществляется односторонними людьми или обществами и происходит в национальной связи, то бывают иными и переживания возле Стража Порога. Возьмём человека из среды народа, говорящего по-английски. Если он посвящается не высшими духами, которые, ведь, являются и ведущими, но Духом Народа, то он бывает преимущественно предрасположен к тому, чтобы приводить с собой к Порогу тех духовных существ, которые постоянно окружают нас в мире как ариманические духи, которые сопровождают нас, когда мы возле Порога входим в сверхчувственный мир и которых мы тогда можем взять с собой, если они развили некоего рода склонность к нам. Они приводят нас, прежде всего, к созерцанию сил болезни и смерти. Так что, вы от большинства посвященных в сверхчувственные тайны в англо-американских странах, от тех, кто ступил на порог, можете услышать, что для них важнейшим переживанием, встретившимся при познании сверхчувственных миров, были силы болезни и смерти. Они познают это как нечто, стоящее вне их.

Теперь обратимся к Средней Европе. Если и здесь при инициации действует народный дух, если посвящаемый не может возвыситься от национального к общечеловеческому, то первое значительное событие, с которым он сталкивается в сверхчувственном, есть борьба, происходящая между определенными существами, принадлежащими только к духовному миру, стоящими по ту сторону порога, и другими существами, стоящими здесь, в физическом мире, по эту сторону порога, но не видимыми для обычного сознания. Здесь имеет место непрерывная борьба. Эту борьбу видит, прежде всего, человек Средней Европы. Эту борьбу он видит пульсирующей на пороге благодаря тому,

что, будучи жителем Средней Европы, — если он при этом серьёзный искатель истины — он пропитан силами сомнения. Он знаком со всем тем, что является силами сомнения, силами многосторонности. В западных областях человек более склонен удовлетвориться одноплановой истиной, в Средней Европе вместе с одной стороной дела мгновенно является его другая сторона. Благодаря этому человек в поисках истины попадает в неустойчивое положение, в котором каждая вещь имеет две стороны. Человек Средней Европы является филистером, если он, вообще, склоняется к однозначному, одностороннему утверждению. Но отсюда рождаются и все те страдания, которые он переносит на пороге. Нужно быть внимательным к тому, как эта борьба, происходящая на пороге между духами, принадлежащими только духовной жизни, и духами, принадлежащими чувственному миру, обуславливает всё то, что выступает во внутреннем человеке как сомнение, колебание в отношении истины, обуславливает необходимость воспитать себя для истины и не придавать большого значения её признанным понятиям.

Если же вы обратитесь к странам на восток от Средней Европы, то там, в тех случаях, когда Дух Народа является крестным отцом посвящаемого, когда человек приводится на порог Духом Народа как крестным отцом, тогда этот человек, если он принадлежит к восточным народам, видит, прежде всего, всех духов, действующих в человеческом себялюбии. Он видит всё то, что может дать побуждение к человеческому себялюбию. Житель западных стран, вступая на порог, видит всё это не в первую очередь. Он видит сначала духов, которые как болезнь, смерть, в широком смысле этого слова, как парализующие, разрушающие, ведущие назад силы, вторгаются в мир и в человечество. Приходящий к посвящению на Востоке видит на пороге всё то, что подступает к человеку, чтобы склонить его к себялюбию. Поэтому на Западе идеалом посвящения является прежде всего, следующее: сделать людей здоровыми, способствовать здоровью людей, чтобы все они имели внешние здоровые условия для развития. На Востоке же, прежде всего, из инстинктивного, из только лишь религиозного знакомства с наукой посвящения рождается стремление почувствовать себя ничтожным, маленьким по отношению к возвышенным могуществам духовного мира. Ибо эти могущества, прежде всего, выступают ему навстречу из духовного мира. На величие духовного мира указывает, прежде всего, человек Востока, на то, что лечит себялюбие, искореняет себялюбие, поскольку опасность впасть в него особенно относится к нему. Собственно говоря, даже во внешних проявлениях народного характера выражается это на Востоке. И многое из того, что Западу представляется не симпатичным в восточном народном характере, происходит именно из опыта на пороге.

Таким именно образом дифференцированы человеческие особенности, если мы посмотрим на внутреннее развитие, на внутренний облик духовно-душевного в человеке. Очень важно, чтобы от этих вещей не отворачивались. Вы бы могли в определённых оккультных кругах [*"... в определенных оккультных кругах", например, в книге С. Г. Harrison "Das transzendente Weltenall", появилась в 1894 году, нем. перевод издан в Лейпциге (год неизвестен).], говорящих по-английски народов, там, где эти вещи

известны — если даже Дух Народа является при этом крёстным отцом, — в течение всей второй половины XIX века найти пророческие указания на вещи, которые сегодня совершаются. Подумайте только, что было бы, если бы люди всей Европы, за исключением народов, говорящих по-английски, не затыкали себе уши и не завязывали глаза, а были бы внимательны к этим вещам! Я хочу сообщить вам одну формулу, которая, опять-таки, постоянно высказывалась во второй половине XIX века. Эта формула следующая: в России, для того, чтобы русский народ мог развиваться, должно исчезнуть русское государство, ибо в России должен быть осуществлен социалистический эксперимент, который невозможно осуществить в западных странах. Для не-англичанина это может быть мало симпатичная, но зато захватывающая мудрость, разумность в высшей степени. И тот, кто эти вещи имеет в себе таким образом, что способен верить в них как в импульсы, в осуществлении которых он принимает участие, тот по-настоящему стоит в своём времени, тогда как другой выпадает из него. [*Следует иметь в виду, что это "по-настоящему" не связано с этической оценкой (Прим. перев.)]

Эти вещи должны быть приняты во внимание. Это было, конечно, обоснованным уделом Средней и Восточной Европы заткнуть уши и закрыть глаза перед оккультными фактами, не вслушиваться в них, а заниматься абстрактной мистикой, заниматься абстрактным интеллектуализмом, заниматься абстрактной диалектикой. *Но теперь начинается время, когда дальше это так идти больше не может!* Подобные рассуждения не должны рождать пессимизма, не должны рождать безнадежности. Нет, силу, мужество, смысл, понимание того, что нужно сделать, — вот что мы должны извлечь из услышанного. И в этом смысле мы должны помнить, что внутри духовнонаучно ориентированного антропософского движения мы поистине работаем не против задач эпохи, а с задачами эпохи. Пусть будет ясным для нас всё то, что мы проспали бы в иных случаях. Также и к выработке социальных потребностей нас ведет бодрственно и сознательно та духовная наука, которая открывает сознанию то, что в других случаях осталось бы сокрытым для сознания, которая открывает нам, какие силы развивает человек, когда он свободен от своей телесности, как это с ним случается во время от засыпания до пробуждения. Пусть нам будет ясно: мы посвящаем себя развитию необходимейших для нашего времени сил, когда мы бодрствуя мыслим об этом, когда это со всей силой может пронизать наши души, когда мы бодрствуя об этом думаем. Но если мы в состоянии это развивать лишь в дрёме, то мы делаемся бессильными.

Две силы действуют в современности. Одна сила — это та, которая в различных метаморфозах Импульса Христа проходит, начиная с Мистерии Голгофы, через все последующие времена земного развития. Мы уже не раз говорили о том, что именно в нашем столетии должно иметь место новое пришествие Христа в эфирном мире. Мы отстоим совсем недалеко от этого нового пришествия Христа. И тот факт, что Он придет, опять-таки, не даёт нам никаких оснований для пессимизма, а равно и для тоски по туманному, эгоистически душевно согревающему бытию, состоящему в разузнавании теософских теорий. Импульс Христа в своих различных образах, а также и в том образе,

который он имеет теперь, когда он хочет возвестить человечеству то, что из духовных миров хочет открыться в наше время как спиритуальная мудрость, этот Импульс помогает этому осуществиться. Хочет открыться мудрость духовных миров, и этому помогает Импульс Христа. От этого события зависит всё. И в этот критический момент человечество стоит перед важнейшим решением. С одной стороны, стоит Импульс Христа, призывающий нас из свободного душевного решения обратиться к тому, о чём говорилось сегодня: сознательно воспринять социальные импульсы, всё то, что является целительным для человечества, и помочь ему воспринять всё это свободно, исходя из решения души. Поэтому мы соединяемся не на той точке зрения, которая хочет основать любовь на ненависти, как в том призыве: "Пролетарии всех стран, соединяйтесь!". Но мы соединяемся, когда стремимся осуществлять Импульс Христа и делать то, что для нашего времени хочет делать Христос.

Этому противостоит супостат, тот, кого Библия называет противозаконным князем мира сего. Во многих обликах являет он себя. Один из этих обликов проявляется в том, что силы, находящиеся в распоряжении человека для того, чтобы он через свободное решение обратился к тому, о чем сегодня говорилось, эти силы свободного решения ставятся на службу телесности. Различными инструментами пользуется супостат, противозаконный князь мира сего. Среди них, например, такие, как голод и социальный хаос. В этих случаях с помощью физических средств, принудительно отбираются силы, которые должны быть поставлены на службу свободному человеку. Вы только посмотрите, как сегодня человечество проявляет себя на каждом шагу: оно не хочет из свободного решения обратиться к социальной жизни и к познанию истинного прогресса человечества, оно хочет, чтобы его *принуждали*. Нужно сказать, что принуждение ещё ни разу не заходило так далеко, чтобы люди перестали делать хоть какое-то различие между существами сверхчувственного мира, между Существом Христа и существом супостата, противозаконного князя сего мира! Вам же эта разница ясна, и видя как сегодня во многих случаях люди всячески противятся что-либо воспринимать из духовного провозвестия, из благ духовной науки, вам становится ясно, что нередко люди бывают просто одержимы этим противозаконным князем сего мира.

Когда вы из свободного внутреннего решения обращаетесь к духовной жизни, то в совершенно скромном, но серьёзном и полном силы смысле рассматривайте себя как миссионеров Христа в настоящее время, как борцов с противозаконным князем этого мира, который делает одержимыми всех тех, которые не из сознания, а из других сил хотят, чтобы их принуждали делать нечто из того, что из будущего идет к человечеству. Подобные мысли не приведут вас к пессимизму, ибо они не оставят вам времени для пессимистического созерцания мира. Они не позволят Вам закрыть глаза и заткнуть уши перед тем, что заявляет о себе довольно сильно и ужасно трагически, не позволят вам не увидеть истинной сущности всего этого. Но эти мысли, прежде всего, представляют всё это вашему взору таким образом, что вы скажете себе: я призван к тому, чтобы видеть всё без иллюзий; при этом меня не одолевают ни пессимизм ни оптимизм, а всё для меня сводится к тому, чтобы в моей собственной душе пробудилась сила стать сотрудником

свободного развития людей, стать сотрудником прогресса и именно на том месте, где я стою в жизни. И не к пессимизму или оптимизму должны побуждать человека увиденные с точки зрения духовной науки деградация и косность времени, но он должен этим побуждаться к тому, чтобы стоять на собственных ногах, пробудиться в себе для работы и выработки правильных мыслей. Ибо, прежде всего, необходима проницательность. *Если бы сегодня достаточное число людей имело потребность сказать себе: "Мы хотим понять все эти вещи", — все в мире стало бы по-иному!* И если хотят понять социальные проблемы, то дело при этом сводится к тому, чтобы в бодрственной жизни, прежде всего, иметь волю к познанию. Затем эта воля будет возрастать — об этом уже позаботились, — поскольку она подлежит развитию. Если мы в бодрственной жизни хотим развивать только себя, хотим выработать представления о социальной жизни, то тогда мы постепенно приходим к тому — приходим по оккультному закону, — что каждый из нас, кто для себя ищет этого познания, может взять с собой ещё другого человека. Здесь один в воле может заботиться о двоих. Мы можем способствовать очень многому, если только имеем серьёзную волю выработать в себе проницательность. Тогда бы пришло дальнейшее. Не то плохо, что многие люди сегодня не хотят ничего делать, но бесконечно плохо то, что *люди не хотят решиться познавать, изучать социальные законы духовнонаучно. Все другое приложится, если только будет это.*

Вот то, что я хотел сегодня сказать вам о важнейшем для современности знании, а также о способе, каким это знание должно стать жизненным импульсом. Будем надеяться, что в неотдаленном времени мы снова сможем поговорить об интимных вещах нашей духовной науки. С надеждой, до свидания!